

немесе азаматтығы жоқ және осындай себептермен өзелінентыстатұратын, белгілі қауіптерден еліне қайтуға мүмкіндігі жоқ немесе қайтқысы келмейтін» - деп тапқан адамдар болып табылады.

Көптеген сыртқа қонысаударушылары бұланықтамағасәйкес келмейтін түсіне отырып, 42 африкалық және 10 латынамерикандық ел босқындар түсінігін кеңейте түсетін аймақтық құжаттар қабылдады.

Defacto босқындар, кейде оларды сырттай қоныстандырылған тұлғалар, яғни 1951 жылғы Конвенцияға немесе 1967 жылғы Хаттамаға сәйкес босқын деп танылмайтын, бірақ маңызды бір себептерге байланысты (әсіресе соғыс немесе зорлық-зомбылықтың күшеюі сияқты) уақытша қорғауға алынған және соған сәйкес олардың азаматтығы бар елдеріне немесе олардың азаматтығы жоқ елдеріне қайтарылмаған тұлғалар деп те атайды.

Әлбетте, шынайы өмірде басқа да жағдайлардың болуы мүмкін, ал аталған көші-қон ағымдарының бітеқайнасып, араласып кетуі жиі кездеседі. Атап айтсақ бұған Сирия, Ирак, Ливия және т.б. да қарулы қақтығыстар болып жатқан мемлекеттер кіреді.

Әдебиеттер тізімі:

1. Петров В.Н. «Миграции населения и этнические мигранты в современной России: Монография. //ред. В.И.Довренко. Краснодар: Кубанской Государственной университет, Из-во КГУ.-2004.-85-87 с.

2. Виноградова Е.В. Международный опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции. –Международная организация по миграции, Алматы. №4 2006. – 4-5 с.

3. Садовская Е.Ю. Миграционные процессы и миграционная политика в СНГ.-М.:Прогресс, - 2007.-12-15с.

4. Main factors influencing migration. А.Божжараулы, К.Цомплак. Вестник Каргандинского университета. -Серия право 2015.- №2(78).-С.19-22.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО, ПРИМЕНЯЕМОЕ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

*Абдикеев М.Н., к.ю.н., доцент КарГУ им.Е.А.Букетова
Аубакирова А.А., студентка КарГУ им.Е.А.Букетова*

Многие государства в зарубежных странах, начиная с 1868 г., активно начали разрабатывать систему норм международного права с целью ограничения воюющих в средствах и методах ведения войны, защиты гражданского населения, определения статуса воюющих, военнопленных, интернированных, правового положения лиц, находящихся под защитой специальных норм, а также отдельных категорий лиц, на которых данная защита не распространяется, и т.д.

Можно утверждать, что современный период развития общества характеризуется существенными достижениями в области регулирования вооруженных конфликтов и защиты жертв войны. Были разработаны и приняты конкретные международные договоры в рассматриваемой сфере. Это прежде всего, Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях войны, Женевский протокол 1925 г. о запрещении применения химического и бактериологического оружия и ряд других соглашений о запрещении или ограничении различных видов оружия, Женевские конвенции 1949 гг. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г.[1].

Разработанная и действующая система норм современного международного права, регулирующая правоотношения в период войны, позволяет говорить об отдельной отрасли — международном гуманитарном праве, применяемом в период вооруженных конфликтов. Это обстоятельство, с одной стороны, служит импульсом для дальнейшего развития и правового оформления принципов и норм, определяющих критерии поведения воюющих, защиту жертв войны и т.д., а с другой стороны, государства-участники соглашения принимают на себя обязательства привести свое национальное право в соответствие с заключенными международными договорами. В случае несоответствия нормы внутригосударственного законодательства положениям международного договора приоритет отдается последнему.

Две эти точки зрения взаимообусловлены и взаимосвязаны и должны рассматриваться в совокупности. Во время вооруженных конфликтов более всего страдают ни в чем не повинные

женщины, дети, старики. Значение гуманитарных норм, их применение становится все актуальнее, ибо они направлены на защиту жертв войны.

Нормы международного гуманитарного права обязывают воюющих охранять интересы жертв войны, обращаться с ними при всех обстоятельствах гуманно и предоставлять им в максимально возможной мере и в кратчайшие сроки медицинскую помощь и уход. Между ними не должно проводиться никакого различия, независимо от цвета кожи, религии, пола, национального происхождения, политических, религиозных и других убеждений. Причем такая защита обеспечивается не только в случае войны, но и в ходе всякого иного вооруженного конфликта между государствами, даже если одна из них не признает состояния войны.

Практика послевоенного урегулирования взаимоотношений между государствами показывает, что перемирие и капитуляция не способны полностью восстановить мир и прекратить состояние войны. Только подписание мирного договора полностью восстанавливает мир и определяет правовое положение субъектов международного права. Война во все периоды существования человечества являлась его неотъемлемым и самым жестоким спутником. Прошедшие войны, которые известны современной исторической науке, всегда сопровождались человеческими страданиями, жертвами, разрушениями, подрывали экономические и политические устои государственности, порождали неверие в справедливость и гуманизм. Поэтому государства как основные субъекты международного права пытались уменьшить пагубные последствия войн путем создания и правового закрепления общеобязательных норм с целью, во-первых, ограничения воюющих сторон в средствах и методах ведения военных действий и, во-вторых, защиты жертв и участников вооруженных конфликтов.

Ученые мыслители разных эпох и народов искали пути смягчения ужасов войны, предлагали нормы, направленные на защиту женщин, детей, раненых, больных и пленных, занимались созданием и разработкой «права войны», определяли ее источники, цели и задачи, а также способы ограничения пагубных последствий.

Философы и юристы придерживались противоположных взглядов относительно понятия войны. По мнению Б. Спинозы, война есть «осуществление естественного права», которое есть у сильного над слабым. Напротив, И. Кант называет войну ужаснейшим бедствием, прерывающим закон человечности. Дж. Ст. Милль считает оскорблением читателя доказывать перед ним безнравственность завоевательных войн, на счет которых не может быть двух мнений между «честными людьми» [2].

Жан-Жак Руссо в работе «Об общественном договоре» писал: «Война — это отношения не между людьми, но между государствами, и люди становятся врагами случайно... Если цель войны — уничтожение враждебного государства, то другая сторона имеет право истреблять его защитников, пока они держат в руках оружие, но как только они его бросают и сдаются — они перестают быть врагами или инструментом в руках врагов и вновь становятся людьми, чьи жизни не позволено никому отнимать».

Выдающийся голландский юрист Гуго Гроций в своем знаменитом труде «О праве войны и мира» отмечает, что слово *bellum* (война) происходит от более древней формы — *duellum* (поединок), которая, в свою очередь, происходит от *duo* — два [3]. Из множества определений, содержащихся в труде можно выделить, например, такое: война есть состязание силой, исключительно только вооруженное столкновение государств.

В конце XX века и в начале XXI века наиболее употребимым становится понятие «международное гуманитарное право». Данное понятие впервые было предложено в 50-х годах XX века швейцарским юристом Жаном Пикте, а уже в 1974-1977 годах вошло в название Женевской дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженного конфликта. Данное понятие используется и в других международных документах. Так, в пункте 1 ст.38 Конвенции о правах ребенка 1989 года закрепляется, что государства-участники обязуются уважать нормы международного гуманитарного права, применяемые к ним в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение.

В юридической литературе высказывались различные точки зрения относительно понятия «международное гуманитарное право». Одни исследователи рассматривают его в широком смысле, другие, наоборот, в ограниченном, узком смысле.

Ж. Пикте под международным гуманитарным правом понимает совокупность действующих обычных и конвенционных норм, обеспечивающих уважение человеческой личности и ее развитие.

Ханс-Петер Гассер считает, что международное гуманитарное право включает в себя международные правила, договорные или основанные на обычаях, которые «специально направлены на решение гуманитарных задач, возникающих непосредственно в результате вооруженных конфликтов... и которые по соображениям гуманного характера ограничивают право... сторон выбирать методы и средства ведения войны или защищают лиц и имущество, которым нанесен или может быть нанесен ущерб конфликтом».

Другая группа юристов определяет международное гуманитарное право достаточно ограниченно, узко и считает его частью «прав человека» или понимает его исключительно как «право Гааги» либо «право Женевы».

Швейцарский юрист М. Ветэ заключает, что международное гуманитарное право состоит из «права Гааги» — нормы, которые регламентируют осуществление военных действий, а также средства ведения войны и «права Женевы» — нормы, которые регулируют защиту раненых и больных, военнопленных и гражданского населения в случае вооруженных конфликтов.

Таковы основные подходы, взгляды и рассуждения применительно к понятию и толкованию международного гуманитарного права. Безусловно, все обозначенные рассуждения представляют определенный интерес. Однако в полном объеме с подобными точками зрения согласиться трудно. Н.И. Арцибасов и С.А. Егоров справедливо отмечают, что дело тут не только (и не столько) в терминологии. Главное состоит в том, что, во-первых, такая позиция не учитывает различия и особенности в защите прав человека в период войны и в мирное время; не выделяет специфики защиты прав человека во время вооруженного конфликта. Во-вторых, международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов рассматривается изолированно, в отрыве от достижений по международно-правовому регулированию ведения войны и, в частности, по ограничению и запрещению применения некоторых средств ведения войны. Все это низводит право, применяемое в вооруженных конфликтах, до уровня защиты жертв войны, что не отвечает практике государств, выступающих за комплексное решение всех вопросов права, применяемого в вооруженных конфликтах. В-третьих, упомянутые авторы смешивают два понятия: международное гуманитарное право и международное право, применяемое в вооруженных конфликтах.

Международное гуманитарное право включает в себя такие разделы, как запрещение агрессии, укрепление международного мира и безопасности, разоружение, проведение миротворческих операций, гуманитарная помощь и т.д.

Такой подход позволяет выделить четыре главные цели данной отрасли права. Во-первых, регулируются отношения между сторонами — участниками вооруженного конфликта, как международного, так и немеждународного; во-вторых, упорядочиваются отношения воюющих с нейтральными государствами; в-третьих, ограничивается возможность сторон выбирать средства и методы ведения военных действий; в-четвертых, закрепляются меры, направленные на защиту лиц, которые не принимают или прекратили принимать непосредственное участие в военных действиях, а также гражданских объектов и объектов, имеющих важное значение для выживания гражданского населения.

Методом создания норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, является согласование воли субъектов, взаимодействующих в международных отношениях [4]. Согласно теории, разработанной известным советским юристом, членом-корреспондентом АН СССР Г.И. Тункиным, в процессе образования норм международного права происходит согласование воли государств, завершением которого и является возникновение соответствующей формы, договорной или обычной. Иными словами, государства являются выразителями воли определенных классов, создают путем согласования этих воли признаваемые им обязательные правила, регулирующие межгосударственные отношения. Необходимо подчеркнуть, что правовые нормы, включая и международно-правовые, создаются не волей господствующего класса в «чистом виде», а именно государственной волей господствующего класса, но выражаемой государством. Таким образом, воля господствующего класса имеет несколько планов. Во-первых, она выступает в «чистом виде»; во-вторых, как воля государства, являющегося орудием данного господствующего класса; в-третьих, как воля государства, объективированная в правовых нормах.

В последние годы обозначилась тенденция взаимопроникновения двух отраслей международного права — международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, и права международной безопасности. Однако, при наличии определенного сходства между ними, имеются и определенные различия, прежде всего в их природе и целях. Если первое рассматривает исключительно вопросы применения оружия в вооруженных конфликтах и защиты

жертв этих конфликтов, то второе стремится ограничивать, контролировать и устанавливать порядок производства, накопления и передачи оружия, вплоть до его уничтожения.

Международное гуманитарное право часто упоминается вместе с законодательством о беженцах, положения которого применяются в случаях, когда человек из-за естественного страха преследований покидает свою страну, пытаясь найти защиту в другой. Беженцы существуют как в мирное, так и в военное время.

По нашему мнению, подобная доктрина является реакционной по сути. Ее цель — обосновать любые действия, противоправные с точки зрения человеческой морали и норм международного гуманитарного права. Она отстаивает три взаимосвязанных позиции: а) достижения военного успеха любой ценой без ограничительных критериев; б) в войне нет права, а действуют правила военной необходимости и преследуется одна цель — победа над врагом, под которым достаточно часто понимают не только комбатантов, но и гражданское население, раненых, больных, интернированных, военнопленных и т.п.; в) войне чужды понятия «справедливость», «гуманизм», «защита», «пощада», поэтому варварский принцип «уничтожай непокорных» является доминирующим.

Доктрина военной необходимости позволяет обосновывать любое нарушение норм международного права — зверства фашистской Германии в Великой Отечественной войне, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, войну во Вьетнаме, захват территории Ливана и оккупацию Палестины, агрессию в Югославии, Ираке, Ливии и т.д [5].

Для межгосударственных отношений рассмотренная доктрина «военной необходимости» неприемлема, что нашло подтверждение в трудах многих юристов, судебных решениях, нормах международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, Уставе ООН.

Так, например, Л. Оппенгейм писал; «... в наши дни война регулируется... законами войны, т.е. устойчивыми нормами, признанными международными договорами, либо всеобщими обычаями. Эти договорные или обычные нормы не могут быть отменены в силу военной необходимости, если только специально не обусловлено, что они не подлежат применению в тех случаях, когда это диктуется задачами самосохранения».

Подробное исследование норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, позволяет сделать безусловный вывод, что воюющие ограничены в выборе средств и методов ведения войны.

Вместе с тем, международное гуманитарное право, применяемое в вооруженном конфликте, содержит нормы, регулирующие выход за определенные рамки со ссылкой на военную необходимость. Однако количество таких норм невелико. Среди них пункт «ж» ст. 23, ст. 54 Положения 1907 г., ст. 33 Женевской конвенции об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях 1949 г., ст.53 Женевской конвенции о защите мирного населения во время войны 1949 г, ст.126 Женевской конвенции о режиме военнопленных и некоторые другие.

Убедительным представляется вывод юристов А.И. Полторака и Л.И. Савицкого относительно взаимосвязи перечисленных норм международного гуманитарного права с военной необходимостью. Они отмечают, что ссылка на военную необходимость возможна в тех исключительных случаях, когда это предусмотрено в конкретных нормах.

Следует отметить, что ссылка на военную необходимость допускается лишь тогда, когда речь идет о чрезвычайной опасности, создаваемой для материальных, культурных и других ценностей, и никогда такое дозволение не может распространяться на ситуации, связанные с созданием дополнительной угрозы для жизни, здоровья и достоинства людей.

Как видим, в том своеобразном положении, в котором в соответствующих пропорциях соотносятся требования военной необходимости и правовые предписания, приоритет принадлежит последним. А поскольку нормы направлены на всемерное ограничение насилия в сфере вооруженной борьбы, можно считать, что главным моментом, характеризующим природу и содержание норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженном конфликте, является его гуманистическая направленность.

Важное значение в международном гуманитарном праве отводится капитуляции армии или ее значительной части, в результате чего государство утрачивает способность к дальнейшему сопротивлению. Капитуляция крупных, значительных частей армии равносильна капитуляции государства, поскольку, сломив сопротивление подавляющей части вооруженных сил, противник получает возможность диктовать свои условия всей стране и контролировать ее политическую систему. Поэтому капитуляция такого рода всегда имеет и военный, и политический характер. Когда 8 мая 1945 г. в Берлине капитулировала немецкая армия, то эта капитуляция явилась не только

военным, но и политическим актом. 3 сентября 1945 г. капитулировала перед Объединенными Нациями армия Японии, после чего были подписаны условия безоговорочной капитуляции [6].

До сих пор в международном праве не существует системы норм, определяющих взаимоотношения воюющих в период капитуляции. Единственной нормой является ст.35 IV Гаагской конвенции, которая ориентирует воюющих: во-первых, на соблюдение правил воинской чести в период капитуляции; во-вторых, на точное выполнение сторонами заключенных положений о капитуляции.

В современный период развития общества, практики послевоенного урегулирования представляется целесообразным разработать и нормативно определить термин «капитуляция», его квалифицирующие признаки, а также виды капитуляции.

Рассмотренные формы окончания военных действий, их регулирование и правовое закрепление позволяют констатировать, что никакая из них не в состоянии обеспечить урегулирование вооруженного конфликта и восстановить мир. Перемирие и капитуляция не заменяют состояние войны состоянием мира.

Одной из форм прекращения состояния войны может быть издание односторонней декларации (заявления), которая провозглашает наступление мирных отношений и позволяет в дальнейшем разрешить возникшие вопросы послевоенного урегулирования. Эта форма характерна тем, что каких-либо переговоров между противоборствующими сторонами не происходит, а мирные отношения считаются результатом волеизъявления одной из сторон. Например, путем одностороннего заявления было прекращено состояние войны между Бельгией и Германией 1950 г., Советским Союзом и Германией 1955 г.

Другая форма прекращения состояния войны непосредственно связана с переговорным процессом, с волеизъявлением сторон. В качестве примера следует обратиться к Совместной Декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 г., которая в частности определяет, что в ходе переговоров стороны договорились о прекращении состояния войны, восстановлении дипломатических и консульских отношений.

Соглашение о прекращении состояния войны имеет несомненные преимущества перед односторонним прекращением состояния войны. Договариваясь о восстановлении мирных отношений, стороны тем самым решают одну из главных задач мирного урегулирования.

Практика урегулирования вооруженных конфликтов выработала действенную форму прекращения состояния войны. Такой формой является мирный договор, позволяющий разрешить многие вопросы послевоенного урегулирования.

Заключение мирного договора означает полное прекращение состояния войны. Взаимоотношения восстанавливаются в полном объеме, устанавливается долгий и прочный мир.

Следует обратить внимание на то, что проблемы послевоенного регулирования правового положения собственности иностранных государств не теряют своей актуальности в современный период межгосударственных отношений.

Развитие современного общества, стремление оградить человечество от разрушительных последствий войн положили начало разработке специальных норм, определяющих пределы применения силы, положения воюющих, гражданского населения, раненых, больных, лиц, потерпевших кораблекрушения и т.д.

В настоящее время такие нормы систематизированы и составляют самостоятельную отрасль международного права — международное гуманитарное право. Однако этот термин нуждается в уточнении. Некоторые авторы включают в это понятие, помимо «права Гааги» и «права Женевы», вопросы прав человека, проблемы разоружения и правового регулирования положения беженцев. По нашему мнению, это неоправданно расширенное толкование международного гуманитарного права, которое не позволяет определить его сущность, функциональное назначение, место в системе международного права, а также установить его соотношение с другими отраслями международного права и другими юридическими дисциплинами — международным частным, административным правом и т.д.

В этой связи наиболее правильным будет обращение к термину «международное гуманитарное право, применяемое в вооруженных конфликтах». Такой подход позволяет определить объект, предмет, методы и функции регулирования, что свидетельствует о наличии самостоятельной отрасли международного права. Более того, рассматриваемая отрасль права имеет свойственные только ей источники, т.е. формы, в которых существуют конкретные нормы. Можно говорить о двойственности источников международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах — нормах, созданных в Гааге, и нормах, разработанных в Женеве. Такая двойственность носит

условный характер и в целом не разделяет международное гуманитарное право, применяемое в вооруженных конфликтах, на две части. В теории и практике эти две группы норм рассматриваются в совокупности и органической взаимосвязи.

Список литературы:

1. Мартенс Ф.Ф. Современное право цивилизованных народов. М., т. 1-2, 1996 г. - 196 с.
2. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М.: Международные отношения. 1990 г. - 201 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994 г. - 186 с.
4. Фердросс А. Международное право. М., 1959 г. - 96 с.
5. Клаузевиц К. О войне. М.: Логос. 2016 г. - 198с.
6. Пустогаров В.В. Международное гуманитарное право. М., 2015 г. - 211 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

*Балгимбекова Г.У., доктор PhD, доцент кафедры конституционного и международного права
КарГУ им. Е.А. Букетова*

Исенова Д.Т., магистрантка КарГУ им. Е.А. Букетова

Жамбекова А.З., студент 4 курса юридического факультета

Современные избирательные системы связаны с появлением представительных учреждений парламентского типа: парламента в Англии, Генеральных штатов во Франции, кортесов в Испании. Именно в этих странах реализовывалась идея формирования представительства, основанная на принципах большинства, а позднее и пропорционального представительства различных политических сил участвующих в выборах. Эволюция систем формирования представительных учреждений парламентского типа в этих странах, прекрасно показанная Георгом Мейером[1], привела к современным избирательным системам, основанным на двух типах представительства - Английском и Французском.

Для английского типа избирательной парламентской системы был всегда характерен консерватизм. Принципиально избирательная система не претерпела изменений, за исключением пожалуй, систематического расширения электората. Кроме этого, английская избирательная система децентрализованная, в ней нет в нашем понимании иерархической системы избирательных комиссий. Избирательная комиссия учреждена только в 2000 году, с передачей ей ряда функции четырех парламентских комиссий, да и то ей присущи функции не организации выборного процесса, а в большей степени аудиторские. Ее полномочия связаны в основном с регистрацией политических партий, мониторингом доходов и расходов партий и организаций, их финансированием. Правда, в Англии еще существуют независимые комиссии по границам избирательных округов, которые пересматривают число и границы округов примерно раз в 10-15 лет.

Выборы проводятся под руководством министра МВД, на местах организацией выборов занимаются шерифы, коммуны, различные коммунальные союзы и т.д. Серьезных попыток реформировать эту систему не предпринималось. Процедуре выборов не уделялось особого внимания, она играла подсобную роль. Депутаты избирались как угодно, могли иметь место нарушения, но главное, чтобы были соблюдены какие-то базовые начала, чтобы победитель не представлял меньшинства, или не побеждал представитель меньшинства, поскольку система основана на принципе большинства. Система упрощенная, менее затратная, районированная: выборы идут от конкретной территории - избирательного округа (графств, бюргерств, городов, местечек, общин и т.д.), т.е. система обеспечивает представительство местных интересов. Такая система выборов максимально персонализированная: голосуют за человека, личность, а не партию или партийный список. Избиратели всегда знают, за кого они голосуют лично, хотя кандидаты, как правило, представляют партии. При неограниченном количестве кандидатур избирается один депутат от округа. Результаты определяются по шкале относительного большинства, победитель определяется независимо от того, сколько процентов избирателей проголосовало за него, лишь бы их было больше, чем у его конкурента. Второго тура не проводится. Как мы можем представить, именно этот тип выборов заложил основы современных мажоритарных систем.